

ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЖ. АГАМБЕНА

Аннотация

В статье рассматривается влияние на политическую жизнь ограничительных мер, введенных в демократических странах в условиях пандемии коронавируса в 2020–2021 гг., через призму политико-философской идеи Дж. Агамбена. Цель работы — выявить последствия данных мер для социально-политической жизни. В связи с продолжающимся распространением коронавирусной инфекции происходит трансформация политических норм, практик и общественного сознания.

Ключевые слова: Дж. Агамбен, ограничения свободы, пандемия, COVID-19, права человека.

Автор

Василиса Андреевна Кузнецова

Студентка факультета управления и политики
МГИМО (У) МИД России
(Москва, Россия)

Пандемия коронавируса COVID-19 вынудила правительства по всему миру вводить ограничительные меры, направленные на предотвращение распространения вируса. Эти мероприятия повсеместно обосновывались как экстренные и вынужденные меры, нацеленные на обеспечение безопасности и сохранение жизни граждан. Тем не менее ограничение свободы в рамках антиковидных мер вызывает обоснованную тревогу не только у обывателей, но и у экспертов и исследователей. Многие видят в них угрозу правам и свободам человека и гражданина. В чрезвычайных условиях пандемии государства осуществляют политику, направленную на ограничение и регулирование не только деятельности человека как общественного, политического существа, но и проявлений его жизни как таковой. Различение двух аспектов «жизни» существует в философии с античных времен — понятие

zoe как жизнь *per se*, природная жизнь, и *bios* как жизнь в обществе, политическая жизнь. Природная жизнь, не являясь ни истинно животной, ни истинно человеческой, была включена в рамки частного, но элиминировалась из общественной сферы. Дж. Агамбен отмечает, что уже Аристотель произвел т.н. биополитический жест, постулируя речь как минимальное условие для разделения «жизни» надвое и для возникновения политики [12. — С. 15–17]. Агамбен полагает, что в логосе (мышление и речь) человек отделяет себя от самого себя: «голую жизнь» от мыслящего и речевого политического субъекта. Совершая это разделение, человек подчиняет голую жизнь мыслящей политической субъективности. Исходя из этого, Агамбен пишет, что биополитика как природная жизнь человека внутри механизмов и расчетов власти [14. — С. 38] появляется там, где возникает политика в принципе, т.е. политика

функционирует там, где существует различие *zoe* и *bios*.

Важно также учитывать идею «включающего исключения» Дж. Агамбена. Включающее исключение *zoe* в полисе выражается в том, что «политика и есть то место, где жизнь превращается в благую жизнь, и объемлет, подлежащим политизации, является именно сама голая жизнь» [12. — С. 14]. Разделение на *zoe* и *bios* — это процедура, которая всегда происходит в языке. Соответственно, политика существует, во-первых, поскольку человек является живым существом, которое с помощью языка отделило голую жизнь от себя, во-вторых, поскольку существует связь человека с голой жизнью через включающее исключение. Все государства основываются на исключении голой жизни. Однако главной особенностью современной политики является не столько включение *zoe* в полис, сколько то, что и голая жизнь, и пространство политического, в которое первая вписывается, становятся неразделимы.

Пандемия коронавируса и политический ответ государства наглядно демонстрируют нам это парадоксальное отношение. С одной стороны, демократическое государство декларирует незыблемость прав и свобод, автономию человека, неприкосновенность его частной жизни и жизни как таковой, с другой — вторгается в них, демонстрируя черты тоталитарности.

Вторжение политики в пространство «голой жизни», по Дж. Агамбену, характеризует тоталитарное государство [12. — С. 153–155]. Поскольку либерально-демократические государства действуют аналогичным образом, для Агамбена демократия включается в тоталитаризм, как у М. Фуко школа включается в тюрьму. Политизируя голую жизнь, демократические и тоталитарные государства могут переходить друг в друга, поскольку апеллируют к одному и тому же в человеке.

В современной политической ситуации актуализируется понятие «чрез-

вычайного», которое описывает исключительные, как правило, опасные для функционирования и даже выживания общества условия — и ответные меры государства. Чрезвычайное лежит за пределами нормы в политике, но одновременно предполагает, что с изменением условий наступит возвращение в рамки обыденного. Дж. Агамбен и К. Шмитт говорят о «чрезвычайном положении». В трактовке К. Шмитта суверен — тот, кто «принимает решение о чрезвычайном положении» [15. — С. 15]. Дж. Агамбен утверждает, что суверен способен не только ввести чрезвычайное положение посредством своего суверенного решения, но и включить в правовое поле то, что раньше находилось вне его компетенций — голую жизнь — путем изъятия последнего (то, что философ называет «отношением исключения») [12. — С. 26]. *Zoe* является субъектом, на который распространяется действие правового поля государства, при условии, что индивид как *homo sacer* (тот, кого можно безнаказанно убить, но нельзя принести в жертву) [12. — С. 92–95] отдаст жизнь суверену. Однако если введение чрезвычайного положения сувереном становится правилом, то голая жизнь превращается в политическую жизнь. Дж. Агамбен обращает внимание на то, что в современных условиях, когда чрезвычайное положение как включающее исключение становится нормой, оно выступает скорее не необходимой мерой, а управленческой технологией. Размывается граница не только между правом и политикой, но и между правом и жизнью. По мнению Агамбена, пока существует разграничение *zoe* и *bios*, свободы никогда не будет.

Дж. Агамбен, обращаясь к работам П. Зильбермана, описывает логику процесса «инкрустации» чрезвычайного положения в демократическую систему. Если раньше здравоохранение имело незначительное влияние на политическую жизнь, то сейчас оно является неотъемлемой частью национальных и

международных политических стратегий. По мысли П. Зильбермана, план по внедрению в национальную политику государств т.н. «террора здравоохранения» как инструмента управления был разработан еще в 2005 г. Стратегия борьбы с птичьим гриппом, предложенная Всемирной организацией здравоохранения в 2005 г., строилась исходя из логики: «1) построение, на основе возможного риска, фиктивного сценария, при котором данные представляются таким образом, чтобы благоприятствовать решениям, позволяющим управлять экстремальной ситуацией; 2) принятие логики наихудшего сценария как режима политической рациональности; 3) комплексная организация тел граждан таким образом, чтобы максимально усилить доверие институтам власти, порождая своего рода сверхгражданственность, при которой налагаемые обязательства представляются как свидетельство альтруизма, и гражданин уже не имеет права на здоровье (здравоохранение), а становится юридически обязанным быть здоровым (биобезопасность)» [11. — С. 147]. Развертывание этого плана пришлось на период с 2020 г.

Разработанная парадигма правления строится на том, что граждане принимают ограничения свобод ввиду риска безопасности голой жизни. Существует вероятность того, что нынешняя исключительность может стать новой нормальностью. Дж. Агамбен называет это «постоянным чрезвычайным положением» [9. — С. 10–16]. По этой логике стратегия должна быть реализована путем биополитической секьюритизации [3. — С. 6–8]. Правительства определяют угрозу безопасности от распространения коронавирусной инфекции как экзистенциальную и оставляют за собой право на чрезвычайные действия в обход стандартных политических процедур. Правительства оправдывают ограничения свободы как вынужденную меру, принимаемую в ответ на распространение вируса.

Подтверждением слов П. Зильбермана об обязанности быть здоровым, которую современные государства и международные организации в лице ВОЗ налагают на граждан, служит принятый в Великобритании Закон о чрезвычайных полномочиях правительства [2]. В соответствии с этим актом были расширены полномочия государственных лиц [5], а сотрудники общественного здравоохранения стали вправе ограничивать свободу граждан исходя из соображений безопасности (задерживать лицо в определенном месте в течение определенного периода и содержать в изоляции на этот срок) [5]. В этой связи государственные органы берут полный контроль над голой жизнью. Также принятый закон предоставил правительству Великобритании чрезвычайные полномочия, в соответствии с которыми решения могут приниматься в обход парламента. Предоставление чрезвычайных полномочий имеет тенденцию к превращению в длительную управленческую практику. Дж. Агамбен полагает, что систематическое и регулярное воспроизведение этого института ведет к ликвидации демократии. Кроме того, практически ежемесячно принимаются поправки к новому закону и дополнительные нормативно-правовые акты и на общенациональном уровне, и в парламентах Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии. Это иллюстрирует активный процесс трансформации институтов и в целом парадигмы власти. Данный процесс происходит не только в Великобритании, но и в других европейских странах. Нормативно-правовые акты, принятые под лозунгом биобезопасности, способствуют трансформации модели парламентской демократии с ее конституционными правами и гарантиями в биополитическую диктатуру.

Что же в таких условиях происходит с голой жизнью? Какие последствия вытекают из постоянного чрезвычайного положения? Приняв за политическую рациональность борьбу с вирусом, пра-

вительства демократических стран, отчуждая свободы, стали вправе в полной мере влиять на голую жизнь. Общество трансформировалось из «дисциплинарного общества» [10] в «общество контроля». Пользуясь чрезвычайным положением, правительства ужесточают цифровой контроль над индивидуальным поведением, путем использования всевозможных средств отслеживания. К примеру, введенная в Италии система «зеленых пропусков», сегрегируя вакцинированных и невакцинированных, делает юридически правомерным цифровое отслеживание перемещений граждан. И если раньше в среднем просматривалось около 2% всех записей с камер видеонаблюдения, то сейчас прогресс в этом достигается благодаря искусственному интеллекту и видеоаналитике [8; 7]. Для отслеживания местонахождения человека достаточно данных мобильного телефона [1]. Цели современных технологий цифрового наблюдения и контроля могут выходить за рамки недопущения распространения COVID-19. Более того, многие компании по запросу государственных служб собирают обширные биометрические данные, в том числе о расовой и этнической принадлежности. Существует высокая вероятность того, что меры цифрового контроля будут усилены после COVID-19, ареал распространения таких технологий между странами увеличится, а область применения в значительной степени расширится [4].

Еще один ответ правительств на распространение вируса — социальное дистанцирование — представляется интересным, поскольку это социальное явление имеет далеко идущие последствия. Еще в прошлом веке Э. Канетти писал о массе как «боящихся прикосновения», определяя их через инверсию страха быть тронутым. Человек по своей природе склонен к примыканию к толпе, поскольку, как писал Э. Канетти, «только в массе человек может освободиться от страха перед прикосновением» [13. — С. 3]. Однако совре-

менное общество не перестает быть массой, безликой толпой в понимании Х. Ортега-и-Гассета, а адаптируется и трансформируется под реалии пандемии — становится более «разреженным», более податливым. Проблема подобного общества заключается в том, что оно легко поддается манипулированию. Правительственные меры затрагивают каждого в «безликой толпе». Например, применение дистантных форм обучения может показаться своевременным эффективным шагом. Но таким образом происходит сознательное смещение общественного консенсуса. То, что до пандемии могло быть сочтено немислимым, приобретает форму нормальности. Происходит повсеместная замена очного формата обучения дистанционным. Важен не факт действия, а его последствия. Возможность получения информации сохраняется. Однако человеческий контакт становится «предметом роскоши». Происходит упразднение университетской среды, включающей связи между университетскими сообществами, профессорско-преподавательским составом. Замена очных занятий централизованно записанными онлайн-курсами может повлечь за собой разного рода социальные последствия, такие как развитие клипового стандартизированного мышления у обучающихся, деградация социально-культурных функций вузов и их филиалов в регионах, падение разнообразия образовательного и социального пространства и др.

Такая мера, как ограничение передвижений, инспирировала резкое снижение мобильности рабочей силы [6]. Существует вероятность, что ограничения не будут в полной мере сняты в ближайшем будущем. Правительства сохраняют иммиграционные ограничения, а международные поездки находятся в упадке, пока возникают новые штаммы вируса. Складывается новая концепция мобильности рабочей силы: быстрый переход на удаленный формат работы категорий

сотрудников, деятельность которых ранее выходила за рамки границы. COVID-19 приводит к ускорению распространения цифровизации, поскольку удаленная работа становится новой нормой. Покупательские привычки людей также меняются, что обуславливает рост электронной коммерции. Как следствие, растет спрос на сопутствующие услуги (цифровой маркетинг, управление контентом, веб-дизайн). Вероятно, для обеспечения деятельности в дистанционном формате корпорации вскоре перейдут на глобальную удаленную рабочую силу.

Подводя итоги, следует констатировать, что концепция политического философа Дж. Агамбена служит подтверждением обоснованности тревоги относительно опасности введенных мер. В настоящий момент принятые правительствами меры, такие как социальное дистанцирование, введение QR-кодов и дистанционных форм обучения, ограничение возможности

передвижения, создают социально-политические проблемы, затрагивающие не только политические институты, но и социальные практики. Можно сделать вывод, что правительства используют чрезвычайное положение как управленческую технологию с целью усиления контроля над поведением граждан. С одной стороны наблюдается демонтаж демократических режимов и переход к т.н. биополитическим диктатурам. С другой стороны, наблюдается повсеместная атомизация общества, которая ведет к разрушению социальных связей. Это, в свою очередь, усложняется продолжающимися процессами виртуализации и цифровизации образовательных и трудовых процессов. На данный момент гражданское общество стоит перед вызовом, который требует от него выработки механизмов, способных противодействовать дальнейшей трансформации демократических режимов в биополитические диктатуры.

Литература

1. *Allen G.* Artificial Intelligence and National Security / *G. Allen, T. Chan.* — Belfer Center for Science and International Affairs. — Cambridge, Harvard Kennedy School, 2017. — 111 p.
2. Coronavirus Act. — 2020. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/7/contents>.
3. *Gerard D.* Six political philosophies in search of a virus: Critical perspectives on the coronavirus pandemic // LEQS Paper. — No. 156. — 2020. — 16 p.
4. *Greitens S.C.* Surveillance, Security, and Liberal Democracy in the Post-COVID World // International Organization. — Cambridge University Press. — No. 74 (S1). — 2020. — P. 169–190.
5. HM Government. — Public Health (Control of Disease) Act. — 1984. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/22/part/2A>.
6. Labour mobility and skills in response, recovery and post COVID-19 pandemic // Ann. rep. IOM. — Brussels, Belgium. — 2021. — P. 23.
7. Seeing What Matters: A New Paradigm for Public Safety Powered by Responsible AI. — Accenture Strategy and Western Digital Corporation. — 2018. — 4 p.
8. *Stanley J.* The Dawn of Robot Surveillance: AI, Video Analytics, and Privacy. — 2019.
9. *Agamben G.* State of Exception. — Chicago: Chicago University Press, 2005. — 104 p.
10. *Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison. — London: Penguin Books, 1977. — 333 p.
11. *Zylberman P.* Tempêtes microbiennes. Essai sur la politique de sécurité sanitaire dans le monde transatlantique [Microbial Storms. Essay on Health Security Policies in the Transatlantic World]. — Paris: Gallimard, NRF Essais. — 2013. — 643 p.
12. *Агамбен Дж.* Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Европа, 2011. — 256 с.
13. *Канетти Э.* Масса и власть; Пер. с нем. — М., 1997. — 527 с.
14. *Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко.; Пер. с фр. А.В. Дьякова. — СПб.: Наука, 2010. — 448 с.
15. *Шмитт К.* Политическая теология. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. — 336 с.